

Светлой памяти моей мамы

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ

ТОЧКА РОСЫ

повести и рассказы

Издательство
«Альпина нон-фикшн»
Москва, 2022

альпина
ПРОЗА

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-44
И43

Авторский сайт Александра Иличевского —
<https://www.ilichevsky.com>

Редактор-составитель Анна Матвеева

Иличевский А.

И43 Точка росы : Повести и рассказы / Александр Иличевский. — М. : Альпина нон-фикшн, 2022. — 428 с.

ISBN 978-5-00139-580-5

В сборнике рассказов и повестей Александра Иличевского «Точка росы» соседствуют тексты разных лет и разных мест — из любимого автором Иерусалима читатель переносится в нервную Москву девяностых, из холодного современного Берлина — в жаркий Крым, из Венеции — в Сан-Франциско и от сказочного Каспия — к Мёртвому морю. Но даже в самом небольшом рассказе, на пространстве двух-трёх страниц, Иличевский остаётся верен себе — художнику, философу, учёному, писателю, для которого чувства важны не меньше, чем мысли, а стиль не отменяет сюжетной увлекательности. Малая проза Александра Иличевского на самом деле проза большая.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-580-5

© А. Иличевский, 2022
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Содержание

I. МАР-САБА

Солнечные рыбы	9
Элегия для N.	14
Бутылочка	17
West Sacramento	20
Сахар	25
Эльмау	27
Сухоцвет	31
У самаритян	33
Двенадцатое апреля	36
На крышах мира	40
Хемингуэй	43
Alabama Song	46
Вереск	53
Round Table	56
Иордан	60
Второй	65
Сосны у Медвежьей реки	67
Мар-Саба	76

II. ТОЧКА РОСЫ

Облако	83
Два страха	109
Соль	135
Слава	141
Старик	150
Грузди	170
Кефаль	177
«Улыбнись»	181
Курбан-байрам	198
Точка росы	216

III. ГОРЛО АШУЛУКА

Штурм	223
На берегу	256
Перстень	261
Когда кричат совы	281
Котовский	284
Границы полей	292
Костёр	295
Горло Ашулука	305

IV. АНГЛИЙСКАЯ ДОРОГА

Медленный мальчик	335
Шпиц	344
Над перекатом	349
Английская дорога	367
Белладонна	376
Второй Белорусский фронт	386
Море и розы	397
Воробей	402
Известняк	412

MAP-SABA

Солнечные рыбы

В те времена моё будущее заблудилось и примостилось отдохнуть по ту сторону планеты. Уезжал я с одной только мыслью — воссоединиться с ним и вернуться обратно.

Летел я в Сан-Франциско через Нью-Йорк, время полёта прошло незаметно, потому что, когда вам двадцать три года и вы переправляетесь через океан впервые, каждая минута становится наслаждением. Особенно если вы, продвигаясь вплотную к Северному полюсу, постоянно наблюдаете у горизонта никак не желающее закатиться солнце. Льды Гренландии тлеют и блистают в свете этого негасимого заката. Сам по себе масштаб путешествия через полюс, однажды установленный Жюлем Верном и Чкаловым, кажется чем-то подобным космическому полёту.

В Нью-Йорке в аэропорту я получил чемодан и прошёл въездные формальности, после чего оказался на борту пустого самолёта, который должен был перенести меня с берегов Атлантики на берег Тихого океана. Я лёг на разложенные сиденья и, закурив, стал смотреть в ряд иллюминаторов,

за которыми наконец наступала, но упорно медлила ночь. Но вот появились и заслезились звёзды. Часов через пять показались чёрные воды залива, мы садились прямо в него. Плюсной шасси самолёт едва не коснулся водной поверхности — так совершилось моё приземление в новую жизнь: будто перо обмакнули в чернильницу.

Я проспал ночь и ещё полдня, а проснувшись, обнаружил себя на 25-й авеню, неподалёку от парка Golden Gate, в котором росли белоснежные каллы. Я вышел погулять, и первым человеком, который обратил на себя моё внимание, стала плохо выглядящая девушка, она разговаривала сама с собой. С опрокинутым лицом она быстро шла по тротуару в сторону Geary Street и, жестикулируя, с кем-то спорила. Так я впервые увидел дьявола по имени Heroin.

А первым американцем, с которым мне довелось в тот день побеседовать, оказался наш сосед по 25-й авеню — дядя Боря, одессит. Это был измученный астмой человек с крупными, уверенными чертами лица. Он поставил на ступеньки крыльца кислородный баллон и прохрипел: «Мальчик мой, добро пожаловать в Америку!» Затем он открыл гараж и подвёл меня к белому «мерседесу». «Мишенька, через год у тебя будет такая же машина!»

«Дядя Боря, — спросил я доверчиво, — чем вы занимались в Советском Союзе?»

«Чем занимался? Я скажу тебе, Мишенька. Воровал. Когда меня посадили, я позвал к себе жену Раю. Рая, сказал я, продай всё и отдай адвокату. Рая продала всё и отдала адвокату. И он меня вытащил. А я вышел и наворовал ещё больше».

Моей первой работой в Калифорнии стала подвозка. Так это называл дядя Боря. На деле мы с человеком по имени Эдик, тоже одесситом, отправились в предгорья Сьерры, в Walnut Creek, и постучались в дверь некоего профессора. Он открыл и предложил нам выпить, мы отказались, и тогда этот бородатый приветливый профессор в майке с эмблемой

Brandman University проводил нас в гараж. Здесь он черкнул подпись в документах и выдал ключи от стоявшего тут минивэна Dodge Caravan.

Это был приличный автомобиль со всеми рабочими агрегатами, покрытый ковром пыли. Мы подкачали колёса на ближайшей заправке и отправились в обратный путь. Дорога проходила в горных местах, и в какой-то момент мы нырнули в неосвещённый туннель. Я так и не сумел включить фары, шаря заполошно по панели, а когда вынырнул наружу, свет закатного солнца размазался по грязному стеклу. Какое-то время я ехал с солнцем во лбу и передвигался по приборам, как высотный самолёт-разведчик. Когда мы добрались до Сан-Франциско, выяснилось, что за работу Эдик должен мне двадцатку. Он протянул купюру, но прежде я решил поинтересоваться: что это было? Что произойдёт с этим «доджем»? Оказалось, автомобиль, в числе многих других, станет благотворительным даром какой-то конторе при синагоге, причём контора займётся перепродажей этих машин, вместо того чтобы распределять между прихожанами.

Я свернул в трубочку купюру и протянул Эдику обратно: «Вот, — сказал я, — это дяде Боре в задницу».

Юных иммигрантов охотно привечала организация Jewish Family And Children's Service. Три раза в неделю я приходил в офис JFCS в даунтауне, где нам внушали что-то такое, благодаря чему мы должны были поскорей понять, где оказались. Джанин Шмиц преподавала нам профориентацию. Я отлично помню эту белобрысую девушку в круглых очках, помню её возлюбленную — нервную китаянку в соломенной шляпке, помню даже их жёлтого «жука», который мне как-то пришлось заводить с толкача.

В JFCS работали сплошь выпускницы Slavic Studies из Стэнфорда, где русский язык и литературу преподавали с целью подготовить специалистов в области русской культуры для военной разведки. Долгое противостояние

с врагом никогда не проходит даром, понемногу вы становитесь с ним схожи.

На уроках разговорного английского мы сидели за круглым столом, нас было шестеро. Вела урок Мишель: лет тридцати, майка с надписью «Fuck Off». Светка — смешливая, весёлая, рослая, волейболистка. Иришка — дивная дочь иерусалимская с соболиными бровями и синими глазами, необыкновенно душевная, но пугливая. Владик — большеглазый чувак с чёлкой и тяжёлой челюстью, играл на гитаре, это он мне сказал на вечеринке, давай покажем американцам, как русские умеют пить. Ленка — моя девушка. Под конец курса обучения Мишель пригласила нас к себе домой на вечеринку, и мы явились туда с упаковкой Guinness. Дом Мишель был классической для Сан-Франциско викторианской постройки, с эркерами и мансардой, пребывание в нём уже было угощением.

Мы с Ленкой в тот день классно провели время. Сначала на вечеринке было ясно и интересно, один из тех моментов, когда кажется, что всё вокруг пребудет в вечности и к чёрту проблемы, прошлые и будущие. Что мир исполнен любви и мёртвые возвращаются к жизни. Чуть позже вечеринка в печальной покорности немного скисла. Владик напился. С трясущейся над гитарой чёлкой он выглядел каким-то поэтом. Я смотрел на этого своего приятеля, и мне даже в голову не приходило, что за свою жизнь я грезил не меньше, чем он.

Вскоре я сидел на крыльце, выходявшем в задний дворик, полный сумерек и цветущего шиповника, и разговаривал с иранцем, выросшим на берегу того же Каспийского моря, на котором рос и я. Это был Мохсен, парень Мишель, и она присела к нам с бутылкой пива в руке, прислушиваясь к тому, что мы вспоминали.

Мохсен рассказывал, как однажды дядя взял его на рыбалку и начался шторм, так что они еле сумели вернуться на берег.

А я говорил ему, что жизнь и смерть для меня выражены бесконечным морским берегом, совершенно пустынным. Мы с отцом были поглощены такими морскими прогулками — когда уходили по колено в воде по апшеронским отмелям едва ли не за горизонт. Залитая солнцем морская бесконечность плоских берегов воплощала для меня внутреннее понимание счастья, покоя, единения с мирозданием.

Не знаю, что на меня нашло, но я рассказал Мохсену и Мишель, как однажды мы с отцом добрались до торчавших вдали из воды скал. Он оставил меня на них, а сам уплыл так далеко, что я не смог разглядеть его у горизонта.

Отца не было вечность. Его беспечность объяснялась тем, что он вырос на Каспии сиротой. И это море было ему роднее материнской утробы.

Когда он вернулся, я был уже раздавлен солнечным ударом и еле сумел, держа отца за плечи, добраться до берега. Дальше он нёс меня на руках до шоссе. Дома лечить меня никто и не думал, я просто проспал сутки и встал как новенький.

После той вечеринки Ленка села за руль.

Мы возвращались через парк и вдруг впереди в свете фар на дороге увидели оторванную окровавленную ногу.

Ленка ударила по тормозам и посмотрела на меня.

Но тут из кустов на обочине выскочили подростки и, корчась от смеха, забрали бутафорскую ногу. Мы поехали дальше, вспомнив, что завтра Хеллоуин.

В ту ночь я увидел во сне тех же глубоководных рыб, как и тогда посреди солнечной пустыни в детстве, когда погибал от солнечного удара на скалах в открытом море. Рыбы проплывали надо мной в ослепительной тьме, хватали за волосы ртами и тянули вверх, прочь из глубины забвения.

Элегия для Н.

В некоторых из нас божество. Влечение — первый его признак. Божество излучает притяжение, магический магнетизм. В этом смысле оно больше, чем человек. Жадность и несокрушимость — тоже признаки божества.

Да, теперь она любит ткани. Ездит в Сан-Франциско, город моей юности, на улицу Клемент выбирать в китайских лавочках шёлк. Так повелось, что она живёт там, где я жил какое-то время когда-то, будто разведчик её полка.

Вечерами она медитирует в саду на развешанное полотнище.

Забивает косяк и постепенно переселяется в узоры. Такая забава на холмах Беркли — сквозь акации и олеандры блещет закат над заливом, небоскрёбы Сан-Франциско пылают отражённым солнцем вдалеке, сутулятся портовые краны Окленда.

Любимый её сорт — Soft Amnesia. Так растёт наша с ней безучастность.

Жила она в Сокольниках, на десятом этаже, окнами на парк. Глаза её меняли цвет в зависимости от времени суток — от александрита до аметиста.

Она красиво курила, держа сигарету на отлёте.

Сидела на стуле, поджимая ноги к груди.

Ещё одна, о юность, промолчит. Твердила «нет», зачем слова, бери как есть. Хотела белой скатерти, свечей, фарфора, теперь всего хватает. В то же время она лишь кальций под лужайками Коннектикута, Новой Англии, Уэльса. И Калифорнии. Как много чаек мёртвых хранит твоё дыхание над Беркли.

Как долгие взгляд через залив, как много вспомнится, пока достигнет небоскрёбов.

Как мало знания в нашем разделённом — историей и океаном, бездна — дитя обоих. Да, моря слагаются из течей. История — из праха, в этом суть.

Любовь скатёрку стелет простынёй, двумя руками приближая песни. Нам нашу наготу нельзя сносить. Так много сложено в одном объятии, здесь столько солнца, зелени и ягод, подземных льдов и рек, несущих этих слепых щенят, какими были мы на кончике луча, в руке судьбы или чего-то больше, бессмысленного, как всё наше время.

Двоих тебе родить, троих. Отныне шум океана станет лучшей колыбельной для наших нерождённых, для меня. Пересекая небо мерзлотой, когда решишь мне отогреть свой поцелуй, вместе с империей, отыгранной у стали, я здесь, я на лужайке камень твой.

Одна всегда молчала, как судьба, курила, думала, два слова иногда обронит, неизменна, как расплавленная вода.

Звезда её отлита из свинца. Беременна, встаёт у зеркала и зажигает огненные горы. И горькую улыбку свирепой рабыни. В Сокольниках ещё звенят её коньки, скрежещет тормоз зубчатый и пируэт.

Где истина? В лыжне, бегущей вдоль сожжённых взрывом газопровода берёз.

В путях Казанского и Ярославского, в хорьковой жаркой шубе Москвы палатной, по бульварам родным раскиданной. Серёжка отцветшей липы за виском, столь близко нагота и песнь спартанки. Как я рубился за тебя, один Господь, один.

В Томилино заборы дачные сиренью сломлены. Теперь я далеко, где и мечтал, на самом крае пустыни, лишь; я прикоснулся: «Такая клятва разрывает сердце».

И солнце в волосах, и эта статья, любовь, колени, плечи, бёдра, этот шёлк.

Здесь горизонт пробит закатом. Здесь Нил течёт, а я на дне, здесь Троя.

Здесь духов больше, чем людей. Здесь жернова смололи вечность.

Бутылочка

Когда идёшь в пустыню, минимальный запас дневной воды составляет шесть литров.

В те времена она была молодым врачом, без кабинета, почему ей и приходилось сидеть с нами в одной комнате. Иногда комната оказывалась запертой, и надо было какое-то время бесцельно слоняться по коридору, поджидая, когда Полина закончит сцеживать молоко. Она была уже матерью двоих детей, когда я начинал работать в госпитале, и недавно родила третьего.

Однажды в выходные она позвонила мне в слезах:

— Ты можешь заехать?

— Могу.

— Я забыла в кубрике в холодильнике бутылочку молока. Привези её мне.

Полина — бронзовокожая парижанка с острым милым носиком, дочь богатых родителей, владеющих несколькими доходными домами на бульваре Сен-Жермен. Мы иногда болтали по дороге домой, когда я её завозил на окраину

Иерусалима, поскольку сам жил ещё дальше, почти у самого Вифлеема.

Она неизменно жаловалась на своего мужа — сиониста и непутёвого бизнесмена, решившего торговать удочками и рыболовными снастями в Израиле. Муж часто пропадал где-то по делам, и она боялась, что он изменяет ей. Рослый красавец, будучи религиозным человеком, он был к тому же и настоящим французом. Когда я оказался у них в гостях, мне вздумалось пожаловаться на боль в спине, и Поль пригласил меня на кухню, где протянул джойнт толщиной с палец: я сделал несколько затяжек, и меня в самом деле отпустило. Потом мы с ним никак не могли расстаться и минут двадцать стояли в коридоре, где я изо всех сил пытался проститься и уйти восвояси, но чары только что наступившего исцеления, давшего нам чувство общности, не отпустили меня.

Я приехал, Полина обрадовалась и познакомила меня со своей няней — светловолосой девушкой, благодаря которой все её дети немного говорили по-русски.

Полина отвела меня на кухню и, протянув бокал вина, сказала:

— Сегодня вечером в Негеве проходит рейв. Можешь меня туда отвезти?

Я кивнул, и мы, оставив детей на няню, отправились в недра пустыни.

Мой Jeep Patriot летел, раскраивая страну с севера на юг, становясь всё меньше, превращаясь в точку.

Рейв проходил в ущелье неподалёку от раскопок древнего набатейского города Мамшита. Великанские тени дрожали и плыли по поверхности скал. На рейве мы вскоре столкнулись с Полем. Он удивился и обрадовался. Втроём мы встретили рассвет, и я проводил их до машины.

Мне не хотелось уезжать, и, понаблюдав, как диджеи разбирают аппаратуру, я отправился вверх по ущелью. Там я вскоре заплутал, не стал возвращаться, а нашёл уютную

пещеру и залёг в ней на плоском огромном камне, похожем на надгробие библейского гиганта.

Я уснул мгновенно и проснулся только в полдень.

В пустыне было так тихо, что я слышал, как тлеет сигарета.

Страшно хотелось пить.

И тогда я нащупал в рюкзаке бутылочку, о которой все забыли.

2020

West Sacramento

Мне тогда исполнилось двадцать пять лет, и, чтобы не сгнить от тоски и одиночества, я бегал трусцой или ходил на рыбалку. Вечером, если я не шёл на реку, то выбегал на окраину Западного Сакраменто и наворачивал круги вокруг пустыря. Там строилось новое здание какого-то банка, и каждый день в зависимости от силы ветра и проделанных работ оркестр незакреплённых деталей конструкции звучал иначе. Когда строительство завершилось, здание смолкло. Вместе со мной на том пустыре иногда появлялся обшарпанный «олдсмобиль». Из окошка его свешивался поводок, на котором рядом трусила старая облезлая собака. Машина еле ползла, но всё равно видно было, что собака скоро издохнет от усилий. Я обгонял автомобиль, в моих наушниках, в которых завывала «Агата Кристи». Я тосковал по России и безнадёжно мечтал в неё вернуться.

В Калифорнии я поселился сначала в Сан-Франциско и успел полюбить этот город на берегах океанского залива. Особенно мне нравились зловещие туманы, заливавшие

ложбины между его холмами, как молочные реки. В такие осенние ночи город становился таинственным, будто в нём скрывалось моё будущее. Жил я поначалу в дешёвых отелях, учился программированию и работал в пиццерии на доставке, что позволяло мне знакомиться с самым нутром города. В течение одной смены богатые кварталы доставки несколько раз сменялись трущобами. Помню некоторых своих постоянных клиентов. Безносого негра из социального жилья на Бьюкенен, одаривавшего меня щедрыми чаевыми. Кроткого бездомного, жившего в трейлере с женой-мексиканкой. Он парковал свой дом на колёсах на разных улицах, а в пиццерию звонил из баров. Помню квартирку с вечно обдолбанными студентами, до которых невозможно было достучаться. И парочку, обитавшую в самом глухом переулке между высотками даунтауна. Парочка долго не отзывалась на звонки, а когда дверь приоткрывалась, я видел красавицу в наброшенном махровом халате и за ней — широкогрудого мужчину в постели. Кокаин их любви требовал пищи, и я им её поставлял. «Откуда ты?» — однажды спросила меня эта голубоглазая брюнетка. Я ответил, и она оживилась: «О, моя бабушка тоже русская».

Но вскоре я нашёл работу программиста в Фолсоне и переехал в столицу штата. Зато я снял за разумную цену домик с садом, в котором висел гамак, вился виноград, росли апельсиновые и лимонные деревья, множество розовых кустов, так что воздух той весной вокруг стоял упоительный. Неподалёку текла река, а в гараже я нашёл, кроме окотившейся кошки, множество рыболовных снастей.

Этот район близ реки был населён русскими пятидесятниками. Не так давно советские протестанты, вдоволь натерпевшись от властей, совершили после крушения империи массовый исход в Америку. Русские тянутся к русским, так что дом мне сдал сын белогвардейца, прибывший когда-то с родителями из Харбина. «Вообще-то евреям я не сдаю», — сказал он при нашей первой встрече, когда я только вышел из машины.

Невесело мне тогда жилось, и отдохновением от тоски, как я уже сказал, были бег и рыбная ловля. Рядом текла полноводная река Сакраменто, на берегу которой я по вечерам предавался невесёлым размышлениям. Я облюбовал одну заводь с омутом и с успехом потаскивал из него на донку сомиков, которых тут же отпускал. Помню низкое солнце в паутине какого-то огромного паука, заплётшего тропу к берегу так густо, что кончик удилица сгибался, когда я сгонял чудище и прокладывал себе дорогу.

Я сидел у воды и думал о том, что рыбалка — это наука о невидимом, что недаром первые апостолы были из рыбаков, вероятно, что-то имелось в их ремесле отчётливо подходящее для возвещения новой религии.

Моими соседями справа оказалась примечательная семья из Белоруссии. Глава её — коренастый улыбчивый мужик — просил называть его дядей Петей. Жена его назвалась тётёй Катей: с густыми бровями и плохими зубами, ещё молодая женщина, она не раз приглашала меня на религиозные собрания. Однажды я согласился отвезти их — вместе с двумя дочерьми — в церковь. Одна дочка была удивительно похожа на тётю Катю, другая — противоположность ей и внешне, и по нраву: весёлая задорная хохотушка, довольно пухлая и вульгарная. Протестантская церковь напомнила мне дом культуры. На сцену один за другим выходили люди, говорившие в микрофон о том, как некогда тонули во грехе, но были спасены пробудившейся любовью к Господу. Затем устроители собрания стали обходить ряды с ящиками для сбора пожертвований, и некоторые прихожане, я заметил, совали в них пустую руку. Тётя Катя рассказала мне на обратном пути, что, когда они жили на хуторе в лесах, дядя Петя страшно пил, но после того, как стал ходить в церковь, бросил.

В конце Хобсон-авеню, где я поселился, стоял у самой реки дом, в котором жил Коля-расстрига с женой и маленьким сыном. Коля был тридцатилетний приземистый

и широкоплечий парень с длинными руками — художник по керамике. Жена его, по имени Вера, была красивой рослой блондинкой, а сын, которого она страстно любила, — худеньким мальчишкой-плаксой. Коля звался в обществе расстригой потому, что бросил ходить в церковь и стал попивать, проклиная американцев. Пил он эффектно, пару раз даже бегал вокруг дома своей соседки с канистрой бензина, угрожая всё спалить. Увидев меня из окошка, если мужа дома не было, Вера с сыном приходила на реку к заводу — посмотреть, как я ловлю рыбу. Я давал её сынишке подержать удочку, и он сначала улыбался, а потом плакал от волнения, что сейчас клюнет.

Моя заводь была особенной — в ней обитала какая-то огромная рыба, которая иногда появлялась у поверхности, показывая огромный плавник. На закате рыба наворачивала круги, совершенно не обращая на меня внимания, и снова погружалась в омут. Я продолжал ходить на реку, потому что мне казалось, что, если я поймаю эту рыбу, я смогу победить свою тоску по оставленной родине.

Однажды ночью я проснулся от того, что где-то во дворе встало жаркое солнце. Я выскочил на крыльцо. Во дворе металась тётя Катя с дочерьми. Обезумевшая кошка вместе с котёнком жалась к забору. Пожарные приехали мгновенно, так что огонь не успел перекинуться на дом. Сгорела машина и все снасти.

После расследования Колю-расстригу арестовали и депортировали.

Веру взяли под своё крыло протестанты. Месяца через два, перед самым моим отъездом в Москву, она явилась ко мне в сопровождении приютившей её с сынишкой пары. Это были респектабельный строгий рослый мужчина и сухопарая женщина. Вера, вся вытянутая по струнке, как неродная, вручила мне протестантские брошюрки и сказала: «Господь спасёт тебя, если ты Его полюбишь». Я улыбнулся, и они ушли.

Через день я сидел на Тверском бульваре с бутылкой водки за пазухой. Шёл снег. Снежинки кружились в конусах света фонарей. Впервые за три года у меня было хорошо на душе. Я посмотрел вверх, и мне показалось, что в порывах метели пронеслась та самая огромная рыба. Она снова была здесь, со мной.

2018

Сахар

Когда-то меня поразил детский рассказ о крохотных матросах. Они появлялись ночью на палубе парусного кораблика, стоявшего на полке в комнате одного любознательного мальчика. Перед сном он клал на корму кусочек сахара, воображая, как в то время, пока он спит, матросы выходят из трюма и маленькими пилочками распиливают добычу.

Случается, я вспоминаю этот рассказ, когда пробую понять, где живу.

Если посмотреть на карту, можно убедиться, что мой дом стоит на самом краю Иерусалима, там, где он граничит с Вифлеемом. Всё, что я вижу вокруг, знакомо мне с детства. Я всё это видел на репродукциях «Малой истории искусства», заветный двухтомник которой добывал из недр книжного шкафа, где скрывался грядущий мир.

Известковые лобастые горы, золотисто-пепельные в июне и почти стальные в сентябре. Островки колючек и терпкого шалфея, окопы и дзоты времён Войны за независимость. Кипарисовые перелески. Пунцовые анемоны

по весне, призрачные свечки морского лука по осени. Ан-тилопы, виртуозно скачущие по склонам, маяча белыми зеркальцами под хвостами. Древняя дорога, заваленная на съезде бетонными блоками. Заросли розмарина, сизого, елового. Волны кипрейных полей раскачиваются пёстрым ветром. Стайки голубей полощутся в небе. Восьмиугольный остов базилики. Каменный короб монастыря с ультрамариновой росписью внутри по сводам. С минаретов по часам голосят муэдзины. Глухой дребезг колокола на Пасху.

На вершине горы, тянущейся перед моим окном, когда-то пророк разговаривал с ангелом. И где-то на западном её склоне Мария, почувствовав схватки, спешила с ослика и поторопилась вернуться в Вифлеем.

Крестовые походы и художники-паломники привнесли в полотна Ренессанса эти видения Святой земли.

Над ними прозрачно царит Мадонна. И ты ощущаешь себя крохотным матросом корабля, идущего под парусами рукавов Святой Девы. А сахар... Сахар — это солнце для младенца.

Эльмау

Оказавшись в незнакомом городе, писатель открывал местные полицейские сводки, среди которых выискивал упоминание площади, парка или сквера, где когда-то были взяты с поличным барыги. Прямиком туда и шёл при первой возможности.

В Лейпциге, куда приехал в сумерках накануне, его уже успели удивить три места. Томаскирхе, где Бах, пятый евангелист, каждую неделю выдавал в космос по кантате. Мемориал сожжённой в 1938-м синагоги, на фундаменте которой под открытым небом теперь стояла сотня бронзовых стульев. И, конечно, вокзал, куда они примчались на скоростном с Михаэлем: гигантский ампирный портал подъездных путей, настолько огромный, что казалось, будто он помещался не столько в пространстве, сколько в воображении.

В Лейпциг писатель и переводчик приехали из Вены. А до того писатель прилетел в Мюнхен, откуда уже вместе с Михаэлем направился в Берлин; дальше были Зальцбург, Дрезден... И впереди маячил Инсбрук. Из Инсбрука,

напоследок, его должны были забросить в Шлосс-Эльмау, замок-отель, где спа-салон среди снегов и лыжня вокруг замёрзшего горного озера.

Три дня в Эльмау — это было интересно, это он предвкушал. Замок основали поклонницы баварского короля Людвига — покровителя искусств, утонувшего в озере. Хижина короля располагалась выше в горах, в ней монарх, оставив внизу свиту, любил в уединении покуривать опиум, глядя в заснеженную горную пропасть, куда погружалось солнце.

А ещё в Эльмау должна была прибыть из Гамбурга русоволосая красавица с нефритовыми зрачками, с которой он познакомился год назад на вечере в свою честь. Тогда они на следующий день рванули на Северное море, на границу с Данией. Там беспрестанно дул ветер, зашвыривавший слова обратно в рот, и на безлюдных пляжах стояли плетёные купальные будки, в которых они целовались, поглядывая на морскую пустыню, на растёртую нордом стальную зыбь. Целовались молча, потому что и так всё было ясно. С тех пор они переписывались. Но он ничего не узнал о ней, кроме того, что она — медсестра в хосписе.

В Инсбрук писатель должен был вылететь уже без переводчика. На встречи в промотуре с каждым разом приходило всё больше людей. Михаэль перешёптывался с устройствами, сообщавшими, сколько было продано билетов. В Вене читатели уже просто ломились. Михаэль пробормотал на ухо: «Сто сорок». Не избалованный и двадцатью слушателями, писатель кивнул.

Проснувшись в Лейпциге и заглянув в гугл-карты, он уже через десять минут пересекал сквер у Музея искусств. Преодолев небольшой парк и площадь, он протянул нищему мальчишке-сирийцу пять евро.

Затем он зашёл в привокзальный «Макдоналдс». Там встретил этого же замёрзшего, с синими губами, пацана, впившегося в гамбургер. Они переглянулись. Набывчившийся

мальчишка с хлопом вытянул остатки кока-колы, а писатель поспешил к свободной кассе.

На следующий день, выйдя из такси, он обнялся с Михаэлем, через мгновение зашагавшим к дальнему терминалу, и переложил из кармана на край урны оставшийся кусочек, завернутый в папиросную бумажку: вдруг не пропадёт и кому-то пригодится.

В Инсбруке его встречал в аэропорту придворный водитель, а в лобби замка его ждали. Он сразу увидел её — такую долгую, нога на ногу, отвесно сидевшую на оттоманке над чашкой кофе.

Дальше они почти бежали по сводчатым замковым коридорам, умудряясь на лету целоваться. А потом были два дня прогулок в горах и две ночи, в течение которых они говорили только о том, что вокруг и сейчас, ни слова о прошлом, ни слова о будущем. Это был их молчаливый уговор. Лишь однажды она обмолвилась о себе. Встала покурить у открытого окна в пол. Переминалась с ноги на ногу на захрустевшей ледком лужице, набежавшей днём с карниза, посмотрела на освещённые луной лесистые склоны... и засмеялась.

Он подошёл к ней.

«Ничего особенного. Просто вспомнила... Просто вспомнила. Мне было тринадцать, когда мы эмигрировали в Германию. Мать скоро вышла замуж за немца. Он был добрым пьяницей. Всё время дул пиво и, когда напивался, орал на нас, что мы ни чёрта не понимаем по-немецки».

Утром они прошлись в последний раз вокруг озера. Снежный накат поскрипывал под подошвами. Проезжали навстречу сани. Лошадь была с заиндевевшей мордой и позвякивала бубенцами на сбруе. Лес, засыпанный ночным снегопадом, поднимался и высился по склонам причудливыми, как в оперных декорациях, фигурами... Всё было залито светом, перемежаемым набегающими клочьями облаков.

Возвращаясь из аэропорта, снова запрещал себе думать. Была ли она замужем? Есть ли дети? Или у неё счастливая семья? Эти знания были лишними.

Вечером, после выступления, он отправился в сауну. В отеле этом имелось установление, они прочитали о нём в брошюре с прикроватной тумбочки: «No eyes' contact, please». Да, никто из постояльцев не посмел за всё время посмотреть ему в глаза.

Сначала он зашёл в хамам, пропал в мраморной пещере в клубах пара, как пропадали утром в облаках горные вершины, когда они гуляли вокруг озера. Затем в сауне столкнулся с целой компанией. Один из них, рослый, атлетически поджарый парень, породистый, как почти все постояльцы, о которых он уже успел подумать: «Аристократы», — то и дело косился на него. Это показалось забавным, и он нырнул в бассейн, выплыл в канал, шедший кругом сауны под открытым небом, чтобы, перевернувшись на спину, всмотреться в близкие горные звёзды.

Когда вышел в предбанник, где компания разместилась в креслах, о чём-то оживлённо говоря, давешний парень вдруг порывисто подошёл к нему. «Скажите, — спросил он, указывая на шестиконечную звезду на цепочке на его груди, — из какой вы страны?» — «Из Израиля». — «Мне не нравится, что вы из Израиля. Я думал, в Шлосс-Эльмау никогда не будет человека из Израиля».

Писатель ничего не ответил. Он вернулся в сауну и сидел в ней до тех пор, пока ему не захотелось снова нырнуть, снова выплыть под звёзды. Он так и сделал, а потом вышел в раздевалку, где было пусто.

Перед тем как уснуть, он стоял у открытого окна, курил и допивал бутылку Laphroaig, ополовиненную с ней накунуне. Под ногами похрустывал лёд, а над головой призрачно белели горные склоны, на которые когда-то посматривал знаменитый король.